

Родился 16 февраля 1974 года. Детство провел в Западной Сибири, на окраине Среднинского бора, в городе Тавде. Учился на многочисленных факультетах в Екатеринбурге и Санкт-Петербурге. Тексты пишу с 14 лет. Печатался в журналах «Юность», «Молодая гвардия», различных сборниках.

* * *

Оттого ль, что Россия - северная страна,
оттого ли, что грань небес для меня расколота, -
снятся мне порой скандинавские времена,
только холодно мне здесь, холодно, очень холодно.
Снятся мне порой серебристые жемчуга,
и туманы фьордов врезаются в скалы древние.
Я стою на вершине крепости, жду врага.
Рассекают ладьей моря мои други верные.

Снится мне, как в студеном небе полощет стяг.
Деревянные избы взвиваются в снежном крошеве.
Это сон моего спокойствия. Я - варяг,
через толщи глухих столетий в Россию брошенный.
Я уже не застал здесь пиров, и князей, и драк.
Я уже не застал здесь пожара, войны и голода.
Только снится мне ночью убитый когда-то враг...
И так холодно мне здесь, холодно, очень холодно.

* * *

Где горсти каменьев, как гроздь винограда,
где россыпь, хрустального звона стекло,
где даль окоема — оправа, ограда,
и шорох, и столько воды утекло,
где золото моют и сыплют кристаллы
на талую темень, под мельничный гуд,
где день растворился, но времени мало,
и сон на печатях семи стерегут, -
там гул драгоценный рождается снова,
и с треском медовым ломается лед...
...Но заперты двери, закрыты засовы, -
и тать не проникнет, и гость не пройдет.

* * *

На холме, у звездного порога, -
старый дом, засыпанный снегами,
а за домом бродит одиноко
белый месяц с бычьими рогами.
А за домом - мелкие осколки
рассыпает каменная стужа.
То ли ветер воет, то ли волки
у холма заснеженного кружат.
Заклубятся сонные метели,
огоньки небесные задуют...
Тихо, тихо станет... Только ели
шевелиются, шепчутся, колдуют.
И на лапах вырастает иней,
и дороги сумраком укрыты...
А на старой крыше - синий-синий
зверь стучит серебряным копытом.

Здесь, на севере, что ни день - то выюга.
 Выйдешь засветло - и уруго
 хлопают ставни, как простыни на балконе,
 и звезда в окне - как судьба в ладони.
 И звуки сбиваются, словно мысли,
 и лаем собачьим по околотку
 звон ведер маячит на коромысле,
 у полыньи, где снега по щиколотку.
 Но в доме тепло, и, наверное, утро
 будет прозрачнее, чем мы ждали,
 и мелкая изморозь перламутром
 осыплет вино, что стоит в подвале.
 Закружится облако снежной пыли
 по древним урочьям, изрытым рвами,
 по тем дорогам, что мы забыли
 в таверне, за тлеющими дровами.

* * *

Как метель, однажды утром век пройдет под этим небом,
 очарованный собою, ты не вспомнишь, где был прежде,
 весь в туманах откровений, весь в задумчивой надежде,
 бродишь мельником по полю с осыпающимся хлебом.
 Там, где в каменной таверне колдовство мешали ядом,
 там, где ночью в душных кельях под тяжелым спали взглядом,
 где отмечен пост молитвой, а ветра полны молвою,
 где усыпаны поместья оголтелою листвою.
 И светлы пустые дали, и рассветы так печальны,
 и в садах, идущих в небо, так прозрачны чьи-то тайны,
 и неслыханные сказки ждут тебя в домах полночных,
 и проходят чьи-то тени в узких скважинах замочных.
 Там - и ты вдруг станешь древним, неразгаданным, нездешним,
 там - и ты пойдешь по свету вслед за счастьем безмятежным,
 и зайдешь в такие дебри, из которых нет возврата,
 где живут одни легенды, что придумал ты когда-то.
 Где кикиморы да ведьмы пляшут в мареве болота,
 где упрямые коряги ловят в сумерках кого-то,
 и под самым звездным небом, на реке челнок, качаясь,
 ждет тебя: уплыть на север, и растаять, не прощаясь.

РАВНОДЕНСТВИЕ ОСЕНИ

За окном так уныло и холодно, в доме темно.
Белый всадник спускается с крыши, но снега не видно.
Кто-то в печке затих, притаился, и мне так обидно:
даже лунные тени не смотрят в пустое окно.
Золотые деревья стоят, пропадая во мгле,
покачнется фонарь, заскрипит, - это ветер доносит
то, что было когда-то, на этой же самой земле,
в этом старом саду, в эту старую-старую осень.
Полнолуние мое, мой сентябрь-феодал, погляди,
как недолго нам ждать... По рябиновой кисти стекая,
каменеет роса, - а полынная песня такая,
будто шелест, и шепот, и зарево - все впереди.
Когда б только не выпустить день из пустого мешка,
не греметь опорожненной флягой, не ведать поклажи,
заблудиться в листве, среди желтых деревьев, и даже
не услышать задумчивой песни лесного рожка.
Дело странника - ведать дорогу, идущую вслед,
под звездой, в можжевельнике, теплое выстелить ложе,
выпить ржавой воды, в равноденствие, в день непогожий,
и понять, что на свете ни смерти, ни старости нет.

ФЕОДАЛЬНАЯ ОСЕНЬ

Уже на рассвете не слышно ни звука, ни вдоха,
закончилось лето, и где-то седая эпоха
плывет над странною, спускается в самые дебри,
где бродят по травам косматые, дикие вепри.
Уже заполняются стужей осенние роци,
уже проступают деревьев костлявые мощи,
и скрыты опавшей листвою дороги олени —
природа, как смерть, величава в своем повторении.
Она незаметна - любовь к этой влаге звенящей,
она неземная - и кажется лишь настоящей,
затем, что идет, как река, по долине равнинной
неслышной походкою, рыжею гривой львиной.
Уже на лугах закрубились густые туманы,
уже из-за леса видны незнакомые страны,
и кружится кто-то над лесом, над башней старинной,
как души умерших, а может быть - клин журавлиный.

И шепчется кто-то в больших заметенных оврагах,
и глухо бормочет в колодцах столетняя влага,
и тени становятся старше, а реки - темнее,
забытая даль - и бескрайнее море над нею.
Останься еще на мгновенье, холодная сказка!
Пройди по болотам, густая осенняя пляска!
А я - облетевшею вербой у старой плотины
останусь смотреть на парящий полет паутины.
Останусь навеки - смотреть, как гудящей молвою
разносится эхо, - над мельницей, - палой листвою.
И лижет деревья холодный, как олово, пламень.
Вода превращается в лед, а предания - в камень.